

гармоничное «сотрудничество» человека с природой (природа человечна, она – «внешний человек», как называл ее Парацельс) с целью обеспечить предпосылки выживания на прекрасной и хрупкой планете Земля, то тем самым наука совершает фундаментальный пересмотр взглядов на *свою собственную познавательно-ценностную роль и место в системе культуры, на свои внутренние потенциальные возможности и скрытые резервы успешно развиваться в данном направлении.*

Итак, рассмотрение проблемы формирования постнеклассического идеала научности в соотношении с необходимостью решения общечеловеческих проблем позволило прийти к следующим выводам и результатам.

Формирование нового образца идеала научности сопряжено с поиском кардинально иных регулятивов культуры, ориентиров научного знания, таких, которые, во-первых, наметили бы стратегию дальнейшего развития человечества для разрешения дихотомии существования на основе ликвидации различных форм отчуждения человека, его развития как свободной и творческой личности и создания научно обоснованной модели восстановления его духовности и социальной

сущности (равно как и определения наиболее оптимальных путей реализации данной задачи на практике). Во-вторых, эти ориентиры поставили бы в качестве основополагающей проблему изменения в теории и практике познавательных, ценностных и деятельностных установок в науке, совершенствования социально-этических принципов исследования на основе гуманистического подхода. Наконец, мы подошли к выводу, являющемуся наиболее значимым в общем контексте сформулированной и решаемой проблемы: рассмотрение существенных особенностей *формирующегося идеала научности показывает, что главной чертой его нового облика является высокая социально-практическая ориентированность.*

Примечания

¹ Цит. по: Римский В.П. Демоны на перепутье: Культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997. С.29.

² Кант И. Теоретические основы изучения духовности личности // Социальные и гуманитарные науки. 1999. №2. С.105–135.

³ Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. L., 1963.

⁴ От логического позитивизма к постпозитивизму: Хрестоматия / Отв. ред. А.И. Панченко. М., 1993.

УДК 1(470+571)+929 Гордон

Г.О. ГОРДОН: СУДЬБА И ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

К.Ю. Миронова

Саратовский государственный университет
E-mail: mironovaky@mail.ru

В статье проводится анализ архивных материалов, связанных с именем русского неокантианца Гавриила Гордона. Детально исследуются его воспоминания, связь с Московским и Марбургским университетами, ситуация в академической среде конца XIX – начала XX вв.

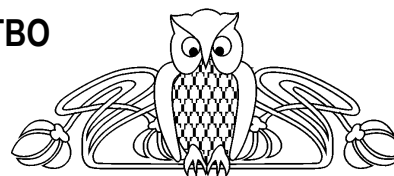
Ключевые слова: Гордон, неокантианство, культура, история философии, образование, воспоминания.

Gabriel Gordon: Fate and Philosophical Creativity

Ch.Yu. Mironova

In this article the analysis of the archival materials connected with name of Russian neokantianist Gabriel Gordon is spent. His memoirs, his communication with The Universities of Moscow and Marburg, a situation in academic environment in the end XIX – beginnings of XX centuries are investigated in details.

Key words: Gordon, neokantianism, culture, history of philosophy, education, memoirs.

На сегодняшний день в истории русской философии и культуры есть много незаслуженно забытых имен, которые, между тем, внесли значительный вклад в развитие отечественной науки. Данная работа, основанная на анализе архивных документов, ранее не попадавших в поле зрения исследователей, занимающихся неокантианством, посвящена реконструкции отдельных эпизодов творческой деятельности русского неокантианца Гавриила Гордона. Целью является дополнение предыдущих исследований по истории русской философии, восстановление контекста философского развития России в

конце XIX – начале XX вв. Ключевым моментом является введение в философский оборот новых архивных материалов для представления творческой биографии Г.О. Гордона – почти неисследованной личности из числа русских учеников знаменитой Марбургской философской школы. Все возрастающий интерес к русской школе неокантианства и к отдельным ее представителям еще раз доказывает актуальность подобных исследований, тем более что каждый заново открытый для истории философии мыслитель – ценность как для философии, так и для культуры.

Гавриил Осипович Гордон по праву входит в число выдающихся представителей русской школы неокантианства. Человек блестящего образования, профессор Гордон с большим успехом осуществлял преподавательскую, переводческую и публицистическую деятельность, посвятив свою жизнь идеям просвещения. Факты биографии, свидетельствующие о том, что Гордон в совершенстве владел семью языками, дают возможность оценить его лингвистическое дарование и объясняют постоянное участие в переводческих кампаниях. Анализ ранее неисследованных и неопубликованных воспоминаний весьма убедительно свидетельствует о глубине и масштабах мировоззрения русского неокантианца. Примером включенности этого человека в круг мыслителей-неокантианцев служит его переписка с Б.А. Фохтом, учеба у признанных корифеев философии Г. Когена и П. Наторпа, участие в философских кружках и творческих объединениях. Вместе с Николаем Гартманом, еще одним блистательным представителем русской школы неокантианства, он провел сложнейшую работу по отработке терминологии для переводов на русский язык классических философских текстов. О принадлежности Гордона к числу последователей марбургской школы философии говорит и его письмо к Наторпу, которое сохранилось в архиве Марбургского университета¹.

Гавриил Гордон служит весьма показательным примером становления настоящего русского интеллигента в эпоху социально-политических переломов, когда, невзирая на

идеологические установки и смену ценностных ориентиров, на аресты и годы лагерей, человек продолжает быть верен своим духовным и нравственным принципам, мыслить и облекать идеи в стройные логические образы. По жизненным вехам Гавриила Осиповича можно изучать историю России конца XIX – начала XX вв.: родившийся в самом конце «золотого века» в Российской империи, Гордон мужал на рубеже веков, время его молодости совпало с революционными событиями и превращением империи в Страну Советов и ГУЛАГа. Значение Г.О. Гордона для науки, истории и культуры переоценить трудно. Из пятидесяти семи прожитых лет двенадцать Гавриил Осипович провел в Соловецком и Угличском лагерях, но и там продолжал трудиться: изучал арабский язык, занимался переводами философских трудов на русский язык и библиотечным делом. На Соловках сокамерником Гордона был прославленный в будущем академик Д.С. Лихачев. Его товарищ – лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, упоминавший имя Гавриила Осиповича в своей знаменитой книге «Архипелаг ГУЛАГ». В «Охранной грамоте» Б. Пастернака Гавриил Гордон выступает одним из персонажей, его же именем назван один из героев романа «Доктор Живаго».

В Угличском лагере, на строительстве гидроузла, где он отбывал свой второй срок по оговору бывших коллег, им были написаны воспоминания, названные «Повестью о моей жизни», отдельной главой которых стала «Музыка в моей жизни»². В 21-й школьной тетради описаны годы от рождения до окончания университета, все упомянутые тетради воспоминаний утрачены после смерти сына профессора Гордона. Машинописные копии фрагментов воспоминаний, прокомментированные Георгием Гавриловичем, Ириной Гавриловной Гурова, младшая дочь Гавриила Осиповича, передала в Отдел рукописей Московского государственного музея изобразительных искусств. В Угличском лагере Гордон закончил еще две работы, которые удалось сохранить: «Маленькое введение в большую философию» (1937) и «Клио. Краткое введение в изучение истории для милой дочери моей Ирины» (1939).

В августе 1941 г. истекал срок заключения Гордона, но в связи с началом Отечественной войны он не был освобожден. Гавриил Осипович умер в лагере 26 января 1942 г. от «авитаминоза», что по тем временам означало истощение... В 1957 г. Военным трибуналом Московского военного округа были пересмотрены оба его дела, результатом чего стала посмертная реабилитация профессора Гордона.

«Повесть о моей жизни» окончена Гордоном в 1940 г. в Угличе. В 1939 г. Гавриил Осипович передал дочери Елизавете первые две тетради и небольшое письменное напутствие: «Милая Ликуня! Тебе я передаю эти первые две тетради и прошу тебя хранить их. Копии у меня нет, это единственный экземпляр. Я восстановил половину пропавших тетрадей и написал одну из поздних глав (первую главу о Марбурге) <...> Если я буду продолжать их и вообще доживу до их окончания, то это будет многотомная книга и, может быть, когда-нибудь она и увидит свет. Прошу откровенно написать мне ваше мнение»³. «Бесценному другу <...> Лизе и милым детям с любовью и благодарностью»⁴ – такое посвящение профессор Гордон предпослал своим воспоминаниям, на страницах которых рассказывается о годах учебы в Московском университете, о Георгии Ивановиче Челпанове – университетском наставнике Гордона и основоположнике психологического образования в России, и о Марбурге – центре интеллектуального паломничества российских студентов в начале XX в.

В кратком предуведомлении к воспоминаниям Гавриил Осипович проводит детальный анализ мемуаров и настаивает на их невеликой ценности как исторических свидетельств и документов. Даже когда автор старается быть абсолютно объективным, это невозможно в полной мере. Во-первых, потому что всякое воспроизведение действительности, даже самым строгим по отношению к себе человеком, всегда субъективно, и ее изображение несет на себе отражение его личности. Во-вторых, в памяти пишущего, как бы ни была она точна, с годами стираются многие подробности и смещаются перспективы. Люди пишут свои воспоминания

большой частью спустя долгое время после описываемых событий, многое из ранее записанного становится непонятным. Поэтому, по мнению Гордона, такой «глубоко честный писатель», как Гете, озаглавил свою биографию «Wahrheit and Dichtung» («Правда и поэзия»), так как даже он не мог точно определить, что в его воспоминаниях было верным воспроизведением действительности, а что нет. Гавриил Осипович приходит к убеждению, что мемуары для историка не теряют своей ценности от недостатка объективности. Они дают представление о характере описываемого времени и его примечательных чертах, служат источником для оценки читателем самого автора как представителя той или иной эпохи. Необъективные и крайне пристрастные мемуары Сен-Симона являют собой интересное изображение целой эпохи в истории Франции XVII–XVIII вв. А «Былое и думы» А.Герцена – одно из величайших произведений мемуарного жанра – дает незабываемое изображение целого периода русской и мировой истории. Гордон настаивает на том, что «идеальной объективности» от мемуаристов требовать нельзя, хотя она должна быть регулятивным принципом при написании и выборе исторического материала. Воспоминания ценны не столько благодаря обилию материала, сколько его удачному выбору, распределению и изложению.

Обращаясь к самому себе, Гордон объясняет причины, побудившие его взяться за написание воспоминаний. «Я не меньше, чем голландский писатель Деккера, мог бы претендовать на псевдоним “Мультипули”, что в переводе с латинского означает “много перенес”. За 54 года мне довелось видеть так много, встречаться с такими разными людьми, что я счел бесполезным записать то, что сохранила для меня память»⁵.

Первая глава «Повести о моей жизни» содержит воспоминания профессора Гордона об известном в научном сообществе человеке, Г.И. Челпанове, профессоре Киевского, а затем Московского университетов, основателе Психологического института в Москве. С последним у Гордона сложились не слишком теплые отношения, тем не менее Гавриил Осипович сдержанно и обстоятельно за-

печатлел портрет своего университетского преподавателя.

Впервые Г.И. Челпанов появился в Московском университете в 1907 г. уже после кончины князя С.И. Трубецкого, выдающегося ученого и прекрасного педагога, первого выборного ректора Московского университета. Челпанов занял его место заведующего кафедрой философии, хотя был не историком философии, как его предшественник, а психологом. Георгий Иванович указывал на единомыслие с покойным Трубецким, но между конкретным идеализмом Трубецкого и «бесцветным спиритуализмом» Челпанова не было ничего общего. Первая лекция Челпанова в стенах Московского университета и у профессуры, и у развитой части студенчества вызвала глубокое разочарование, настолько банальным было ее содержание (общие вопросы философии). Как философ Челпанов не создал, да и не мог создать никакой школы, как психолог он основал Институт экспериментальной психологии, написал учебники по экспериментальной психологии и логике. Его ученики Кравков и Рудик составили московскую психологическую школу. К ученикам Челпанов относился крайне внимательно, при одном строгом условии — они должны были его почитать и уважать. Если он замечал в ком-то из своих студентов «критическую ноту», то отношения становились враждебными. Так случилось и с Гавриилом Гордоном, который «...никогда в жизни не умел подчинять свободу своей мысли риску испортить отношения или потерять расположение. Постепенно отношения мои с Челпановым из нормальных стали очень плохими»⁶.

Вместе с Лопатиным Челпанов должен был продолжить дело Трубецкого. Будучи студентом историко-филологического факультета, Гордон высказал формулу, отображающую *status quo*⁷ академической среды того времени: «Трагедия московской университетской философии в том, что она представлена огромным талантом, но в то же время и потрясающей ленью, с одной стороны, и огромной бездарностью, но потрясающей деловитостью, с другой»⁸. Эти слова были сказаны о Л.М. Лопатине и Г.И. Челпанове соответственно.

У Г.О. Гордона не сложились отношения с профессором Челпановым. И виной тому послужило несколько досадных моментов. Темой занятий в семинаре Г.И. Челпанова была гносеологическая проблема реальности. Однажды завязался горячий спор о понятии «вещи в себе» у Канта между Гордоном и Огневым, учеником Челпанова. Назвав Челпанова и Огнева наивными реалистами, Гавриил Осипович получил задание написать реферат на эту тему, но непременно с цитатами. В результате Гордон представил стройную концепцию систематического развития понятия «вещи в себе» от обычного понимания ее, как чего-то лежащего за явлением (в «Трансцендентальной эстетике», т.е. первой части «Критики...»), через предельное понятие (в переходе от «Трансцендентальной аналитики» к «Трансцендентальной диалектике») до идеи, то есть регулятивного принципа. Шестьдесят пять цитат потрясли Челпанова, придававшего бухгалтерии великое значение во всех областях жизни и науки, и, вместе с тем, посеяли зерно неприязни к пытливному Гордону.

Еще один инцидент, сыгравший роль в «прогрессирующем отчуждении» между Гордоном и Челпановым, произошел в том же семинаре несколько позднее. Георгий Иванович предложил семинару довольно известный древний софизм, связанный с именем философа Протагора, как логически неразрешимый. Гордон, в свою очередь, коротко и ясно доказал, что никакого логического софизма в озвученной ситуации нет, а есть лишь юридический казус. Таким образом, отношения молодого Гавриила Осиповича с университетским профессором были окончательно испорчены.

Конфликт с Челпановым, описанный в воспоминаниях, лишил Гордона золотой медали за конкурсное выпускное сочинение «Психофизический параллелизм у Спинозы и в современной философии». Серебряная медаль вместе с оценкой «весьма удовлетворительно» на государственных экзаменах «по группе философских наук» давала ему диплом первой степени и право на оставление при университете, но академическая карьера Гордона не сложилась. Таким образом, разногласия молодого Гордона с Челпа-

новым помешали ему в полной мере реализовать свой творческий и научный потенциал. Однако винить в этом только лишь университетского наставника более чем несправедливо. В среде философов Московского университета существовал неписанный кодекс – преследовался всякий интерес к неокантианству; молодые философы, поклонники Когена и Риккерта, рисковали будущей карьерой.

К 1905–1907 гг. положение дел в философском сообществе университета было следующим. Князь С.Н. Трубецкой, блестящий специалист по истории древней философии, литературе и религии, вел философский семинар, из которого вышел ряд будущих неокантианцев: Фохт, Кубицкий, Гордон и др. После кончины Трубецкого бразды правления философским образованием оказались в руках Лопатина и Челпанова. Говоря об «искушенности» этих профессоров в вопросах философии (в частности, неокантианской), Гордон цитирует А.Белого: «Лопатин Когена и Риккерта знал лишь в пересказе профессора права Хвостова»⁹. Сам Лопатин говорил о неокантианстве следующее: «Когда речь заходит о Когене, мы в мирном единомыслии стараемся общими силами прорвать злокозненную паутину его диалектики»¹⁰. Гордон припоминает, как однажды Челпанов посетовал: «Пробовал я его, этого вашего Когена, знаете ли, читать, да вижу, что ничего не понимаю. И отложил его до поры, до времени: подожду, пока появятся сочинения о нем, да тогда и сам, пожалуй, напишу»¹¹. А Лопатин и Челпанов были лучшими в те годы философскими силами Московского университета. Поэтому для студентов, всерьез увлеченных философией, поездки в Марбург и Баден были не роскошью, а насущной необходимостью. Гордон и многие его товарищи, в числе которых были Фохт, Вышеславцев, Пастернак и прочие, отправились постигать глубины философии в Марбург. Именно там молодые интеллектуалы обретали искомую систему философского знания, мощный на-

учный инструментарий и воодушевлялись просветительской идеей распространения в России начал интернациональной научной философии, то есть философии как отдельной и независимой науки. Эти идеи стали своего рода фундаментом всей творческой жизни Гавриила Осиповича Гордона, позволив ему созидать на стезе просвещения.

Жизненный путь Гавриила Осиповича Гордона представляет собой вереницу очень непростых событий. Консервативность и недальновидность университетской профессуры, вынужденное примирение с суровой реальностью эпохи, аресты и ссылки, годы лагерей – все эти факты вылились в невозможность полноценно реализовать могучий творческий потенциал. Вместе с тем даже та малая часть творческого наследия Гордона, что сохранилась для истории, и воспоминания о нем его великих современников позволяют сделать вывод об уникальности этой бесспорно талантливой личности, одного из тех, кто составил славу русской школы неокантианства.

Примечания

¹ См.: Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М., 2007.

² См.: Миронова К.Ю. Культурфилософский анализ концепции музыки русского неокантианца Г.О. Гордона // Жизнь: бытийственный, ценностный и антропологический аспекты. Саратов, 2008. С.214–219.

³ ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Кол.ХI. Разд.V. Ед. хр. 1. Л.2.

⁴ Там же. Л.3.

⁵ Там же. Л.5.

⁶ Там же. Л.14.

⁷ *Status quo* (лат.) – существующее положение.

⁸ ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Кол.ХI. Разд.V. Ед. хр. 1. Л.6.

⁹ Белый А. Начало века: Воспоминания: В 3 кн. М., 1990. Кн.2. С.382.

¹⁰ Там же. С.228.

¹¹ Гордон Г.О. Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопр. психол. 1995. №1. С.87.